

Помните этот советский мультфильм? Там за двоечника веселые молодцы из волшебного ларца, «одинаковы с лица», решают все насущные задачи. Но и правила устанавливают: не только пекут булки, но и едят тоже за человека и живут фактически вместо него. Маленький лентяй удивлен: «Мы так не договаривались». А ему: «Шел бы ты».

К чему вспомнился этот мультфильм? К ничуть не смешной, не мультяшной, а настоящей человеческой беде.

Однако начну не с нее. Намедни я встретил на тузовке Михаила Федоровича Ненашева, выдающегося редактора газеты «Советская Россия» советских времен и написал об этом в соцсети: мол, ветеран в порядке, бодр, готовится к 90-летию. Робот, который в Сети отслеживает изображения, решил мне помочь: он подписал портрет. Даль Константинович Орлов.

Ну, не велика беда: обоих мэтров журналистики я знаю, с чувством юмора у них все в порядке. Они действительно похожи: вырубленные скульптурно лица. И робот может их спутать, но не я! Я стал эту подпись убирать. Робот упорствует. Удаляю. Не сдается. Упрямая машина долго доказывала мне, что лучше знает, кто на портрете. Вела себя со мной как с умственно отсталым. В конечном счете ошибку удалось исправить, но на это ушло много драгоценного времени!

Но это ладно: время мое, личное, компьютер мой, никто не пострадал. А если бы я пилотировал «боинг»? Тот самый «боинг», что не так давно угробила «умная» машина, с которой не справился недотренированный пилот, недооценивший упрямство киберпрограммы?

Понимаете, что происходит? Кто-то делегировал роботу, автомату, железяке массу моих прав, обязанностей и возможностей. Подо мной — Эфиопия. Я беру штурвал левее, а ему кажется, что надо правее. Раньше на месте работа был третий член экипажа, типа борт-

¹ Генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?».

В. К. Мамонтов¹ ДВОЕ ИЗ ЛАРЦА

механика. И я мог спросить: «Вась, слышь, я с ума не сошел?» Это ж Ненашев? Не Орлов? Левее ведь? А Вася бы ответил: «Вроде да». Может, и вырулили бы. Может, и нет, всякое бывало, но я мог Васю и не слушать — взять ответственность на себя. А тут у автомата что-то перемкнуло: Орлов. Вправо. И его не собьешь. Можно, наверное, выключить. Но дело в том, что человека уже ментально заточили под нехитрый постулат: автомат надежнее тебя и бортмеханика, точнее, быстрее. Слушай его, мешок с кишками, полными микробов, не сопротивляйся.

В итоге: у меня в ленте неудобная чеховская «реникса».

С «боингом» хуже: от ста пятидесяти семи человек, пассажиров ковчега Земля, остались только аккаунты в соцсетях да селфи.

У меня назрели вопросы: как случилось, что вместо Васи, третьего члена экипажа, в кабине теперь робот? И куда делся Вася? Чем занят, для чего высвобожден? Откопал новый углеводород? Летит к Альфе Центавра? Пишет поэму? Может, хотя бы самогон гонит? Да, чуть не забыл: кто тот умник, который заменил бортмеханика Васю на мешок с кремнием?

Давайте разберемся по порядку. В конечном счете робот появился потому, что он дешевле Васи. Вам будут морочить голову, совать умные гаджеты, трындеть про прогресс, безопасность и прочее, но вы должны быть как сталь: дело в деньгах.

Смотрите: я выпускаю и эксплуатирую «боинги». У меня интересный выбор: наколдовать, чтобы где-то в далекой деревеньке Нерехте в семье потомственных прыгунов с колокольни и летунов на воздушных шарах Крякутных родился Вася. Василий должен выучиться, его должно было позвать небо, ему надо дать зарплату, отпуск и послать на курсы повышения квалификации. Иногда Вася приходит на работу мрачный: жена досталась из семьи потомственных распиловщиков древесины. Люди вообще несовершенны и обходятся довольно дорого. И как только у эксплуататора «боин-

га» (и эксплуататора в целом) появляется возможность «наколдовать» вместо Васи коробку с проводами, он это со звериным урчанием делает.

Теперь посмотрим, что же делает высвобожденный Василек, он же Базилио, он же Бэзил? Чем занят его творческий ум, куда расходуется энергия? Матушки мои! А не он ли это с пивным пузом у телевизора? Не он ли молекула в сером потоке, что проглочен одной станцией метро, чтобы быть выплюнутым другой? Не он ли — в стеклянном кубе тычет в унылые кнопки? Или неудавшийся бортмеханик как раз сейчас на табуретку встает... А чего это он? Стоп, а не в петлю ли он лезет оттого, что жизнь не удалась? Что небо звало, да не дозвалось? А не он ли накупил всякого оружия и расписывает его сейчас именами Дмитрия Сенявина и Давида Строителя, как это случилось с парнем из Новой Зеландии, пустившим в расход невинных людей в городке с потрясающим названием Христоцерковск — в дословном переводе?

Скажите: вот вы заменили человека неким устройством. Ради чего? Чтобы делать что? Не делать чего? Что вы выиграли?

Старшее поколение застало времена, когда жизнь постоянно заставляла что-то придумывать, шевелить мозгами, улучшать. Чтобы продлить жизнь батарейкам КБС, надо было — всего лишь! — придавить их дверью, чтобы осталась глубокая вмятина с двух сторон. Потом они, расплюснутые, не лезли в фонарик, но тут же придумывался расширитель фонарика.

В советское время не было отбоя от инноваторов. Отделы писем многих газет были буквально завалены историями о том, как человек изобрел прищепку, которая сигнализирует, когда белье высохнет, а чиновники и бюрократы не дают ей ходу. Зажимают прищепку.

Однако теперь, вместо того чтобы возмущаться, я думаю: может, советские бюрократы, зажимавшие дверью своего кабинета прищепку, делали важное и благое дело? Они держали в тонусе умственное и физическое состояние народа. На чердак еще надо было подняться — узнать, высохло ли белье? А это тренировка, здоровое сердце, крепкие мышцы. Без всякого фитнеса!

И так — буквально по пунктам. В результате народ всегда был готов ко всему — и ему за это выдавали значки, те самые ГТО.

Когда Советского Союза не стало, на народ — соборный, готовый к испытаниям и отомобилизованный — обрушились все изобретения, которыми давно пользовался остальной мир. Все это зарычало, закрутилось, запело победную песню. Но погодите радоваться.

Раз уж зашел откровенный разговор о последствиях прогресса в быту, то скажу: наше семейство, увы, не стоит в стороне. Нами куплен, к примеру, комбайн — не тот, что в прежних репортажах о страде, а волшебная машинка, которая сама рубит картошку в кубики, и свеклу, и колбасу. Раньше, к примеру, приготовление главного новогоднего салата занимало полдня. Стучал нож. Пахло солеными огурчиками. Теперь деловитое жужжание — и эмалированное ведро (а что, оливье все любят) готово за час.

Раньше меня привлекали к чему-нибудь просто: я чистил, например, картошку, и мы разговаривали на важную тему, что комбайн так и не куплен, а потому приходится сидеть и чистить. Возле терся кот, который ждал, пока закончатся дела с горошком и огурцами и настанет время мяса, колбасы, а то и крабов, если дальневосточные гости не изменяли обычным традициям и приезжали.

У нас было важное совместное дело, которое занимало наше время — и наше сознание. Его некому было сделать, кроме нас. И это было очень ответственно. Ибо если мы не успеем, то на Новый год без салата голодной останется вся наша большая компания.

Купленный комбайн порезал в кубики не картошку — то самое важное и значительное дело, которое ты не мог никому препоручить, которое тренировало тебя резать мелко, но не порезаться самому. Думать о других, а не только о себе. Ты пробовал салат с особым чувством: ты же сам его сделал. Ну, почти сам. Может, добавить майонеза?

Что теперь на месте этого прекрасного совместного сидения на уютной кухне? Комбайн отжужжал. Жена разгадывает сотый кроссворд, тренируя память и моторику — навыки, которые у нее ежедневно отбирают «Википедия», калькулятор, стиральная машина-автомат, утюг с отпаривателем, телевизор с таймером, перебранная заранее гречка, невяжущиеся кастрюли и самодвижущийся пылесос. И комбайн, окончательно покончивший с рабским трудом.

Я могу сказать, что пишу эту статью, но это будет неправдой. Статью я пишу ночью, когда не спится. Я тоже ищу себе новое занятие. Но чем бы я ни занялся, все будет менее важно, чем совместное приготовление оливье.

Сравните сами: даже если я вкручиваю лампочки, а это важно, лампочки все равно хуже оливье! Что я сделал-то за сэкономленное время? Лайкнул? Ну а дальше?

А дальше каникулы. Десять дней спит да гуляет страна. Мается. Кутит. Лежит на пляже — кто выбрался из наших сугробов. Катается с Альп, купив себе сугробы Альп.

И так, между прочим, весь мир — толпы праздных людей текут друг мимо друга: одни — из Лувра в Третьяковку, другие — из Третьяковки в Лувр (это в лучшем случае, а то ведь некоторые в Таиланд).

Понял я это в Париже, на Елисейских Полях. Мы подтянулись туда к вечеру, когда косые лучи заходящего солнца уже облили золотым светом Триумфальную арку — и все такое прочее. С трудом найдя два стульчика на террасе ресторанчика (ох, и маленькие они у эконозных французов) и получив два бокальчика с белым вином, мы вытянули натруженные ноженки, да так и замерли, столбенея.

Перед нами текли два встречных людских потока. Такую плотность особей я встречал только на нерестовых реках, когда инстинкт продолжения рода гонит лососей в верховья. Но у человеческих стад не просматривалось ясной цели. Просто те, кто вроде бы в верховья, шли к Триумфальной арке, а те, кто типа в низовья, — от нее.

Нельзя сказать, что они куда-то стремились. Напротив, это было, на мой взгляд, торжество беспощадного препровождения, если не сказать, убийства времени.

Это был туризм в его чистом, беспримесном виде: гудят, надрываясь, чудовищные брюхатые и горбатые дримлайнеры, глотают людей метрополитены, сжирают бензин автобусы и горит синим пламенем народное наше достояние в топках электростанций; летят скоростные поезда, в графен стертые подошвы разношенных туфель — и что?

Да, все слегка устали, вспотели, особенно дети, которых катят в колясках, тащат сонных в рюкзаках, слингах, только что не в карманах. Поглощаются мегалитры пепси, мегатонны круассанов — а что в остатке? Видели из-за спин японцев и китайцев «Мону Лизу». Заглянули под юбку Железной Парижанке. На башне, кстати, строится еще один промежуточный этаж — предыдущие не справляются с потоком желающих глазеть, тащить туда спящих детей в слингах и жевать булку с видом на Монпарнас. Или как его — Монмартр?

Попадались тут и праздные соотечественники, но я не об этом: обезоруживали разноязычность, разноцветность, разновозрастность особей — и подспудное, нутряное их единение, их общее настроение, их лишние килограммы, их одинаковые кеды, мобильники, рюкзаки, их схожий настрой, который я выразил бы так: безмятежное целеустремленное безделье, под которое подведена соответствующая оправдательная база.

Чему они учат у себя дома и кого? Чем зарабатывают? В какие издания пишут, чтобы приехать — и замереть в изумлении: так вот какая река тебя несет! Вот куда ты попал! Есть у меня подозрение, что мы не отыщем существенных следов разумной, овеществленной деятельности этих орд. Конечно, кто-то ведет самолеты и поезда, а также бурит скважины. Но для чего? Чтобы однажды понять, что все это ты делаешь только для того, чтобы самому влиться в потный нерестовый (если бы) поток на Елисейских Полях?

Что делает это донельзя разбухшее человечество? Мы все стали туристами на поверхности нашей планеты, везде перильца и ограждения, кругом киоски и гиды, а также инструкторы в ее пестро обрыбленных Красных морях, на бескрайних отмелях, старых покатых горах, в оджипиэшенных тайгах и каньонах. Или я это чересчур и не стоило просить третий бокал беленького у улыбчивого чернокожего французского официанта?

Страшная мысль, что по большому счету мы все не сильно нужны, по правде говоря, ошеломила меня, сидящего на приставных стульчиках в бесконечном театре Елисейских Полей. Нельзя сказать, что я об этом прежде не догадывался. Мальтузианство, неомальтузианство, то-сё.

Но у каждого свой «момент истины». Придумать столько всего — удобрения, станки с числовым программным управлением, боевых и трудовых роботов, увешаться спутниками и извести на дым и суету электронов столько невозможных ресурсов, чтобы проснуться однажды ненужным? Праздным? Живущим и производящим себе подобных без ясной цели?

Причем конца этому веселому самоубийству не предвидится.

Учеными предсказывается (не знаю, правда, сколько беленького выпито ими), что многоголовым бездельником станет практически весь средний класс, предвестником чего, по-моему, является суета с классом «креативным», который точно с жиру бесится. Ибо гигантскими темпами автоматизируется умственный труд, на котором до сей поры базировалась орда чиновников, офисных менеджеров, юристов, врачей, учителей, консультантов с копытом и без. Безработными останутся бухгалтеры и банковские служащие, а самое обидное — в зоне риска журналисты. Ибо то, что мы пишем, уже сегодня можно в большинстве случаев поручить копипастеру. Чуть усовершенствовать программку — и на Елисейские.

Открытым остается вопрос: а на какие шиши? Но и тут мы шагнули далеко вперед по сравнению даже с Великой депрессией. Тогда безработные и бездомные строили дороги. Это негуманно. Мы, бывшие бухгалтеры, журналисты и изобретатели роботов, которые нас же и выдворили, найдем чем заняться и развлечься, не марая рук о битум и щебенку. Внедрение новых технологий волшебным образом принесет — и это по самым скромным подсчетам — около 30 трлн долларов год.

Эти гигантские деньги будут, вне всякого сомнения, перераспределены и перекуют нас в еще более изощренных потребителей абсолютно ненужных нам — в своей глубинной, базовой сути — вещей. Мы обзовем это информационным обществом, мы изъездим в пыль все Парижи и Сарла-ла-Канеды, мы, как в кислоте, растворимся в соцсетях, перепробуем все беленькие и красненькие вина, а также все другие интересные вещества, жутко устанем и эмоционально опустошимся, однако будем уныло жить, поскольку нам предсказано глобальное улучшение фармацевтики и геномики, нанолечения и экзоскелеты. Даже кишечная палочка теперь поставлена на службу прогрессу — будет биотопливо вырабатывать. Очевидно, из того самого ярко-желтого живописного рапса, которым во Франции, по-моему, засеяны все поля, кроме Елисейских.

Раньше люди ходили друг к другу по неотложным делам. Торговля, война, то-сё. Раньше человечество хотя бы с упоением убивало друг друга в бесконечных мировых войнах, выдумывая танки, бомбы, дрессируя боевых слонов и смешивая в ретортах удушающие газы. Теперь нет и этого: войны локальны, ведутся без выдумки, трусливо, дронами, черенками лопат, чужими руками и точечными ударами. Слава богу, нет горя и смертей, но нет и всепоглощающей радости победы, беби-бума, который происходит от счастья, что выжил и вернулся, а она ждала; нет сжигающих страстей, нет точки отсчета подлинности.

Раньше ездили обозом: Ягеллон Некрасивый в прошлом году договорился с Тихоном Кривым, что уступит ему Сонные Лощины в обмен на Макаровы Самовары, так о том везли манускрипт. Приезжают: Тишкавор на Водовзводной башне висит, остатком глазом подмаргивает. На троне Филька Временный (правил 46 лет с небольшим, построил Владимирскую коль-

цевую дорогу, присоединил Бай-Конурское ханство, степь, конечно, но пригодится, отменил черту оседлости таджиков). Хрен вам, а не Самовары, говорит: власть переменялась. А вот Лошину давайте, от нее не отказываемся. Наше слово крепкое.

Поползли послы обратно, прикладывая ко лбам пятаки.

Теперь все это делается одним звонком по мобильной спецсвязи. Чем занять сэкономленное время? Кухонный комбайн все смолот: и огурцы, и колбасу. Послы теперь переписывают сплетни и с умным видом шлют их наверх. А парень, мушкетер фельдъегерской службы, который раньше д'Артаньяном скакал бы с секретным пакетом четверо суток, не делает ничего. Точнее, он сидит у секретного дикомпьютера, слушает Леди Гагу, хихикает, не скачет, а скачивает те самые секретные сплетни, чтобы продать их таким же веселым парням и девушкам, которые впервые за века выросли, не узнав, что такое война, настоящее большое горе или голод, которые не испытали даже неудобств.

Иногда мне хочется перерезать провода, перекрыть кран, сжечь китайские пошивочные цеха, вынуть все батарейки и посмотреть, как они будут умирать без своих телефонов, гаджетов, блогов, зависаний на Гоа и заказа пиццы на дом. Все те, кто без умолку болтает про производство и потребление смыслов.

Ну, это оттого, что я устарел и озлобился. Мне кажется, что смысл не может долго существовать без материального воплощения. От разных умников и их наставников мы знаем, что общество было индустриальным, потом постиндустриальным, теперь оно информационное.

Проиллюстрируем это на примере легкой промышленности. В индустриальном обществе ценился мастер, который умел шить крепкие и удобные трусы. Он ходил голым.

Бартелеми Тимонье утомился в свое время шить трусы вручную. Он извел гору бумаги. Чертил, комкал, кусал невкусное гусиное перо. Ну, хорошо, думал он, рычаг протолкнет иглу сквозь кромку шиваемой ткани. А как обратно? Ночью ему приснилось: дырку в игле надо делать на другом конце. Он вскочил, как уколотый. Зажег свечу, рисовал, смеялся... Он не понимал, что производит смысл, когда придумал швейную машинку. Он думал, что придумывает швейную машинку. А был и смысл: теперь трусы можно шить быстрее и крепче.

Потом Хоу и Зингер усовершенствовали его смысл — и трусов можно было изготовить еще больше и еще быстрее. И так везде: в кузнечном деле, электричестве и паре, воздухоплавании, космосе...

Тимонье долго мастерил свою швейную машинку. В наши дни он вполне мог продать свой сон — и на Гоа.

В информационном обществе, внушают мне, ценится тот, кто придумал новый фасон трусов, тот, кто написал про новый фасон трусов, тот, кто носит правильные трусы, тот, кто, сидя в новых трусах, придумывает следующие новые трусы. Он победил, ходит голым.

Он победил. А кто проиграл? Кто хам? Кто лузер? Ничтожество, которое шило трусы. Добыло нефть, которую сожгли следующие в цепочке лузеры — и добыли из нефти ток. А потом, по колено в ледяной воде, объедаемое мошкаррой, протянуло линии электропередачи. Подало невидимые, но трудолюбивые электроны напрямиком на швейную машинку в далеком Гуандуне или Пловдиве.

Их, лузеров, еще надо бить палкой за урон живой природе, который они нанесли по дороге. Видели эти рощи увядшего бамбука? Эти лежбища мертвой селедки? Эти спиленные и перемолотые в гравий Гималаи? Дышали этим ржавым воздухом? Это все они. Палкой, палкой их по глупым, ничемным пяткам!

Подождите, они ж для вас старались, изобретатели трусов! Это же вы измысливали все новые, чаще бесполезные, вещи, которые производились, нет, извергались на человечество! Вы заработали на этом денег, славы. А они немного денег и ни капли славы — позор и обвинения в отсталости.

Ваши трусы так и остались бы виртуальными, если бы не они. А в виртуальных трусах зябко ходить. Уныло. Можно, конечно, на Гоа уехать. Но там охватывает такой расслабон, что задумываешься: не да ну ли всё это вообще?

Опасно и вот что: процесс придумывания новых трусов не должен останавливаться. В горошек были? Были. Стринги? Были. До колен? Ниже колен? С припущенной резинкой? На веревочках? Были! Съедобные? А вот это интересно...

И тут механизм дает сбой. Я, испытывающий необоримую тягу к подлинному, прочному, долгоиграющему, неподвластному, в ноздрях которого стоит запах гарта и звон линотипа, видящий в дизайнерском букете инженерную конструкцию, замороженно стоящий над чревом машинного отделения старого парохода, что бороздит Люцернское озеро, получаю поддержку откуда не ждал.

Нет, говорит молодой человек, живущий в одной стране со мной, съедобные трусы мне тоже не интересны. Как не интересны? Это уже такой новейший оборот событий. Этак и глянецовые журналы вымрут! Потому что «новый молодой» дистанцируется не только от производства направленных электронов, но и от креатива с гламурикой, справедливо полагая, что там блестящая пустота и выпендрейж. А стало быть, циничная и успешная попытка выкачать из дураков бабло.

«Новые молодые», отстраняющиеся от этой суеты (недавно узнал, что их почему-то опять называют хипстерами), поняли, мне кажется, важную вещь: они не хотят, чтобы людьми (то есть ими) манипулировал новый эксплуататорский класс. И сами не хотят становиться новыми колонизаторами, скромно именуя все это глобализацией, мировым разделением труда и производством смыслов. Совестно как-то.

Этот класс формируется на наших глазах. Раньше умный, чтобы разбогатеть, должен был быть и предприимчивым. Или предприимчивый забирал (покупал по дешевке) у умного идею — и преодолевая гигантские трудности, строя заводы, формируя коллективы, сращивая расплзающуюся ткань бытия, выпускал не-

что новое. Богател на этом и правил миром. А изобретатель умирал нищим — как Тимонье. Рядом с ним хоронили нищего рабочего согласно теории прибавочной стоимости.

Теперь, когда продается идея, которая реализуется все чаще виртуально, у изобретателя есть все шансы разбогатеть — ну и править миром, разумеется. Причем повадки сразу же оформляются сходные с повадками предыдущих властелинов: интернет-гуру за 50 % прибыли ведут себя абсолютно по Марксу.

Но, по Марксу же, появился вид молодых зверьков, которым не хочется так качать бабло. Они пока не протестуют, не создают подпольных кружков по изучению виртуальной социал-демократии, просто довольствуются малым. Не клюют на бесконечного потребительского червя, которого им ежесекундно подносят к пасти. Но в обществе, заточенном на бесконечное потребление, демонстрацию стандартных признаков успеха, и это тянет на бунт.

Отстраненность, признаем, дается им легко, поскольку квартира куплена родителями, милыми недоумками, продолжающими жить в материальном мире, молиться золотому тельцу, думать о будущем детей, так до обидного быстро улечивающихся из их мира в свой собственный. Кепку, чтоб голову не пекло, «новый молодой» купит винтажную, на блошином рынке.

А его подруга, к счастью, хороший человек и любит его, дурака, а не его кошелек.

Но до нашей общей победы далеко. Пишу этот текст, а по телевизору каждые полчаса — реклама решетки, которую надо вставить в сковороду, чтобы оладьи получались строгой геометрической формы. Озабоченный голос спрашивает: вы пекли оладьи? Вы же были страшно расстроены, что они не идеально круглы? Все, теперь ваши расстройства позади: вы получите идеальные оладьи!

Ловлю себя на мысли: а может, я действительно мечтал не летчиком стать, не бортмехаником, не под мостом пролететь, как Чкалов, а чтоб оладьи были круглыми? Чтоб жесткая вода не сожрала мою стиральную машину? Чтоб листать альбом Ротко и цокать языком: вот оно, искусство! Мне маякуют: подступает новая мода; будь готов лечиться от микробов в кишках! Всегда готов!

Слушайте, а когда мне голову успели заменить на автомат? Я лечусь уже не от того, чем реально болею, а от того, что умеют гарантированно вылечить навязываемые мне препараты!

Не знаю как вы, а я собираюсь упорствовать: на фото — Ненашев, летать под мостом круто, абстракционисты — жулики (не все), оладьи должны быть неровными, а аз есмь... умнее железяки. А вы как хотите.